

²⁷ Васильева Г.П. Итоги работы туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. // ТХАЭЭ. I. С. 438–442; *ее же*. Формы оседлого жилища Южной Туркмении в XIX – начале XX в. // Жилище народов Средней Азии... С. 197.

²⁸ *Ее же*. Формы оседлого жилища... С. 193–210.

²⁹ Там же. С. 203.

³⁰ Там же. С. 193–197.

³¹ Васильева Г.П. Туркмены-нохурли // Среднеазиатский этнограф. сб. I. С. 134–140.

³² Джикиев А. Поселения и жилища туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря в XIX–XX вв. // СЭ. 1957. № 4. С. 83–90.

A.N. Zhilin a. The types of the traditional dwelling of the sedentary agrarian population of Central Asia (XIX – early XX centuries)

It is rather untraditional for the Russian ethnography that the author of the article considers the typology and evolution of the housing patterns as their refer to large *historical-ethnographic regions* and not to particular ethnic groups. Such an approach makes it possible to accumulate the vast ethnographic materials and make some essential generalizations. The author came to conclusion that the traditional dwellings of different peoples of Central Asia had many common features in their construction, construction materials and plans.

© 1997 г., ЭО, № 2

С.Б. Болелов

ГОНЧАРСТВО ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА: ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ РЕМЕСЛА (VI в. до н.э. – IV в. н.э.)

Остатки керамического производства на территории Хорезма были обнаружены С.П. Толстовым еще в конце 1930-х годов – в первый период работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции на территории южного Приаралья. Тогда же, при составлении археологической карты Хорезма, нанесены на план «остатки гончарных мастерских» на городище Базар-кала, а также «бугры с многочисленными кусками гончарных шлаков» на городище Кюзели-гыр¹.

После войны, в начале пятидесятых годов, были произведены раскопки объектов, связанных с керамическим производством. Отрядом под руководством М.Г. Воробьевой за несколько полевых сезонов раскопаны 14 горнов на городищах Кюзели-гыр, Калалы-гыр I, Базар-кала. Кроме того на Кюзели-гыр была вскрыта часть городища, примыкающая к обжигательным горнам, где обнаружены остатки мастерской, очаги производственного назначения, скопления пережженного гипса, отвалы бракованной продукции².

Впоследствии во время целенаправленных исследований объектов, связанных с гончарным производством, не производилось. Керамические горны вскрывались попутно, при раскопках того или иного памятника или во время маршрутных поездок и рекогносцировочных обследований. Так, например, во время исследований сельских поселений древнего Хорезма было раскопано несколько горнов в правобережном Хорезме³, во время раскопок городища Хазарасп зафиксированы остатки двух обжигательных горнов⁴. В процессе работ на Нурумском поселении частично или полностью вскрыто 9 керамических обжигательных горнов⁵. Кроме того, во время широко-масштабных маршрутных исследований на территории южного и юго-восточного Приаралья была открыта и нанесена на карту основная часть известных на сегодняшний день объектов, связанных с ремесленным производством и гончарством в

частности⁶. В ходе изучения сельских поселений Хорезма удалось обследовать специализированные ремесленные центры, выявить особенности размещения керамического производства на территории Хорезма⁷.

Всего на территории южного Приаралья отмечен 31 пункт, относящийся к VI в. до н.э. – IV в. до н.э., где выявлены остатки керамического производства. Эти археологические памятники изучены не равноценно.

В одних случаях производились стационарные археологические раскопки, в других осуществлялись только поверхностные зачистки, а иногда лишь фиксировалось место расположения объекта и давалось краткое его описание на основании поверхностного визуального обследования памятника.

Раскопки производились на 15 объектах, что составляет 48% от общего количества. В большинстве случаев это были горны. На территории Южного Приаралья зафиксировано и нанесено на карту 178 горнов, из них полностью раскопано 27 (15%). Некоторые горны не раскапывались полностью, производилась зачистка пода обжига-тельной камеры, входа, определялись размеры горна, в отдельных случаях количество и диаметр продухов. Всего таким образом обследовано еще 11 горнов. Итого, из 178 горнов в большей или в меньшей степени изучено 38 (21,4% от общего количества).

Лишь на трех памятниках помимо раскопок самих горнов производились раскопки и расчистки территории, непосредственно примыкавшей к горнам – на городище Кюзели-гры («гончарный квартал»), Нурумском поселении (горн № 6) и в Хазараспе. Это позволило по обнаруженным остаткам рабочих площадок, а в одном случае (Кюзели-гыр) по остаткам производственного помещения (возможно это была мастерская), выявить и отчасти реконструировать последовательные этапы формовки керамических сосудов, а также определить комплекс мер, способствовавших производственному процессу на стадии подготовки сырья к работе и изготовления продукции. Так, в частности, на городище Кюзели-гыр и Нурумском поселении были расчищены остатки производственных очагов, очевидно использовавшихся для пережигания гипса, а также скопления уже пережженного гипса, добавлявшегося в глину в процессе производства. Кроме того здесь найдены орудия труда и различные приспособления, использовавшиеся при формовке сосудов.

Кроме археологических данных, безусловно необходимо учитывать большой объем информации по истории гончарства Средней Азии, содержащийся в этнографических материалах. Особенно ценны материалы, собранные в 20–30 годы нашего столетия. В это время были еще живы старые мастера, сохранявшие традиции и навыки керамического производства второй половины XIX века. Исследователи могли воочию наблюдать процесс изготовления керамического сосуда от подготовки глины к работе до обжига готовой продукции. Изучение домашнего ремесла дает возможность выделить сохранявшиеся еще архаические навыки, характерные для ранних форм гончарства, а также на основе сравнительного анализа выявить, хотя бы приблизительно, стадии развития керамического производства⁸. Работа Е.М. Пещеревой «Гончарное производство Средней Азии», основанная на обширном материале горных районов Таджикистана, является примером подобного исследования. Заслуживает внимания работы А.А. Бобринского «Гончарство Восточной Европы» и «Гончарные мастерские и горны Восточной Европы», в которых выводы, сделанные автором на основе археологического материала, удачно подтверждаются этнографическими данными.

По данным этнографии в какой-то степени можно судить о формах цеховых организаций в городских центрах Средней Азии. В частности заслуживает внимание статья И.М. Джаббарова о ремесленниках Хорезма и работа В.В. Евдокимовой о гончарах Хивы⁹. Обе они посвящены городскому ремесленному производству. К сожалению, имеющихся материалов явно недостаточно для освящения вопросов, касающихся древнего гончарства на территории Хорезма. В них совершенно не освещены вопросы, касающиеся домашнего гончарства, что очень важно для интерпретации

археологических материалов, связанных с ранними этапами развития керамического производства. Именно поэтому при исследовании древнего гончарства Хорезма представляется необходимым привлечение материалов, собранных в горных районах Таджикистана, где практически еще до середины XX столетия сохранялись архаические формы производства¹⁰. Конечно вряд ли правомерно механически переносить имеющиеся у нас сведения о пусть даже пережиточных, архаичных формах организации производства и технологических приемах, зафиксированных в районах традиционного гончарства, на два-два с половиной тысячелетия вглубь веков. Но, тем не менее, этнографические материалы помогают лучше понять немногочисленные письменные источники, особенно эпохи средневековья, и прежде всего те, где приводятся сведения о цеховых организациях¹¹. Тем более, что, насколько об этом можно судить по имеющимся у нас данным, система взаимоотношений и организации внутри цехов, во всяком случае в конце XIX – начале XX вв., были очень архаичными.

Этнографические данные безусловно способствуют лучшему осмыслению и интерпретации материальных остатков производства, полученных в результате археологических раскопок. Это касается прежде всего устройства керамических обжигательных горнов (конструкция их принципиально не менялась на протяжении более чем двух тысячелетий), устройства мастерских и рабочих площадок около горнов, а также орудий труда, использовавшихся мастерами-ремесленниками при формовке сосудов.

Хорезмийский обжигательный керамический горн относится к типу двухъярусных, округлых с прямой вертикальной тягой¹². Наиболее ранние остатки специальных устройств для обжига керамики, которые безусловно можно считать горнами, датируются VI–V вв. до н.э. Остатки керамического производства, относящиеся к этому времени, выявлены в урочище Дингильдже, в окрестностях Кой-крылган-калы, а также недалеко от городища Базар-кала в правобережном Хорезме. Кроме того, развалины керамического обжигательного горна с керамикой этого же времени обнаружены в окрестностях городища Кюзели-гыр в левобережном Хорезме¹³. По мнению М.Г. Воробьевой горны были двухъярусными, округлой формы. Нижнюю, топочную камеру вырывали в грунте и соединяли с верхней жаропроводящими каналами, остатки которых видны на поверхности¹⁴.

Появление этого типа горнов в южном Приаралье, по всей видимости, не было результатом эволюции, так как каких-либо более ранних, примитивных обжигательных устройств на этой территории не найдено. Судя по всему, они появляются в низовьях Амударьи в архаический период уже в завершенном виде, эта конструкция практически без изменений продолжает существовать на этой территории вплоть до эпохи развитого средневековья. На протяжении всего этого периода, при сохранении основного конструктивного принципа, менялись лишь детали в устройстве горна и его размеры. Все это дает основания предполагать, что двухъярусный, округлый керамический обжигательный горн с прямой вертикальной тягой был заимствован хорезмийцами извне, скорее всего в результате контактов населения Хорезма с южными областями Средней Азии и прежде всего Маргианой (южная Туркмения), где к середине I тыс. до н.э. горн такого типа полностью сформировался в результате развития ранних форм специальных обжиговых устройств¹⁵. Любопытно отметить, что двухъярусные керамические обжигательные горны, по конструкции очень близкие приаральским, появляются в центральном Согде также где-то в середине I тыс. до н.э.¹⁶

Между VII–VI вв. до н.э., по мнению М.Г. Воробьевой, на территории Хорезма появляется гончарный круг быстрого вращения, который, возможно, хорезмийцы также заимствовали от населения южного Туркменистана или Бактрии¹⁷. На сегодняшний день нет каких-либо объективных данных, подтверждающих или опровергающих это предположение. Керамика, в данном случае выступающая как опосредованный источник, свидетельствует лишь о том, что в определенный период на определенной территории начинает использоваться гончарный круг. Видимо, права Э.В. Сайко, считающая, что гончарный круг осваивается в различных областях в производстве независимо от того был ли он непосредственно привнесен мастерами извне, как уже

готовое техническое приспособление или возник на месте под влиянием высокого уровня ремесла соседних областей¹⁸.

С появлением гончарного круга и обжигательных горнов коренным образом меняется внешний облик керамического комплекса Хорезма. К этому времени (VI в. до н.э.) вырабатывается набор характерных форм на территории Средней Азии, отличающихся определенными признаками, общими для разных регионов¹⁹. Видимо одной из основных причин этого сходства является одинаковый технический уровень и возможности мастеров, которые, судя по всему, в принципе были равными для разных областей²⁰. Во всяком случае на территории Хорезма появление этого набора форм безусловно связано с распространением здесь принципиально новых технических устройств, таких как горн и гончарный круг быстрого вращения. Этот факт может служить подтверждением предположению Э.В. Сайко о последовательном распространении в середине I тыс. до н.э. второй волны технического прогресса в керамическом производстве, связанного с важными историческими событиями, прежде всего со значительными изменениями в характере производственной жизни ряда областей Средней Азии²¹. Заметим, что на это время – середина I тыс. до н.э. по мнению В.М. Массона, приходится третий этап урбанизации Средней Азии, охватывающий ее северные и центральные районы²². По всей видимости, именно начиная с середины I тыс. до н.э. можно говорить о ремесленном производстве керамической посуды в Хорезме.

При рассмотрении гончарства, как и любого вида ремесла, следует различать две стороны: технику и организацию производства. Археологические данные в силу своей специфики наиболее эффективно могут быть использованы для освещения техники и технологии производства. Технологические критерии позволяют ответить на вопросы об уровне выделения и техническом состоянии конкретных ремесел в данное время на определенной территории. Вопросы организации производства могут быть исследованы только комплексным путем с привлечением сведений письменных источников, эпиграфических памятников и материалов этнографии.

В связи с темой статьи большой интерес представляют данные о размещении керамического производства на территории Хорезма.

Прежде всего обращает на себя внимание одна характерная особенность, которая отличает Хорезм от всех остальных областей Средней Азии. Все керамическое производство VI в. до н.э. – IV в. н.э., известное на сегодняшний день в этом регионе, располагалось за пределами городских стен. Лишь в одном случае остатки двух керамических обжигательных горнов отмечены на территории городища. Во время раскопок древнего Хазараспа, на одном из раскопов, на глубине 3 м были вскрыты остатки обжигательных горнов. Слой датируется IV в. до н.э.²³ Однако размеры и условия производства остались невыясненными. По мнению исследователей городища, та его часть, где было обнаружено керамическое производство (юго-восточный угол), с IV в. до н.э. и до современности оставался незаселенным. Есть предположение, что здесь был гончарный квартал, по традиции остававшийся на одном месте в течение двух с половиной тысяч лет. При этом необходимо подчеркнуть, что жизнь в городе в течение всего этого промежутка времени не замирала, о чем свидетельствуют многочисленные находки керамики IV–II вв. до н.э. в нижних культурных слоях на других раскопах²⁴.

Во всех остальных случаях гончарное производство располагалось в сельской округе, чаще всего изолированно на большем или меньшем удалении от жилых построек, иногда на покинутых жителями городищах (Кюзели-гыр, Калалы-гыр 1, Гяур-кала 3). В отдельных случаях следы гончарного производства зафиксированы на территории поселений: в непосредственной близости от усадеб на Нурумском поселении, на сельском поселении Турпак-кала, в левобережном Хорезме²⁵.

По месту расположения, системе размещения и по размерам производства, которое в данном случае является основным критерием, все памятники, связанные с керамическим производством, подразделяются на несколько категорий.

Прежде всего следует отметить специализированные ремесленные поселения,

отличающиеся прежде всего внушительными объемами производства. Обращает на себя внимание большое количество обжигательных горнов, рассредоточенных по всей площади поселения. Таким памятником является Нурумский оазис. Здесь, практически около каждой усадьбы, зафиксировано по два, а то и по четыре горна, всего более сорока на всем поселении. Они располагались парами – большой и маленький горны – и каждая такая пара относилась к определенной усадьбе, а иногда находилась в ее пределах. На этом же поселении обнаружены следы и других ремесленных производств. Так, на одной из усадеб удалось расчистить остатки примитивного кузнечного горна, на некоторых усадьбах найдены бронзовые шлаки и литки. Здесь же обнаружены заготовки стеклянных бус.

Несколько особняком стоит керамическое производство, открытое у подножия крепости Гяур-кала 1, на берегу канала. Большое количество обжигательных горнов по масштабам производства позволяет сравнить его с Нурумским. Однако небольшое количество жилых построек, явно не соответствующее объемам производимой продукции, и, кроме того, отсутствие следов каких-либо других производств позволяют предполагать, что это был специализированный ремесленный центр по производству керамики.

Видимо, к этой же категории памятников относится поселение, обнаруженное в окрестностях городища Бабиш-мулла, где в непосредственной близости от жилых построек зафиксировано скопление обжигательных горнов. Принимая во внимание размеры производства и систему его размещения (горны располагались рассредоточенно, в непосредственной близости от жилых домов, как и на Нурумском поселении), безусловно можно говорить именно о поселении, правда небольшом, в котором производилась керамика²⁶.

Несколько сложнее обстоит вопрос с производственным центром Хумбуз-тепе в южном Хорезме. К сожалению, недостаточная изученность построек на этом памятнике не дает основания определить, к какому типу поселений он относится. Исследователь памятника М. Мамбетуллаев упоминает о чередовании архитектурных остатков с отвалами керамического производства в культурном слое²⁷, однако совершенно неясен характер этих построек: были ли они жилыми домами или производственными помещениями? Тем не менее, наличие здесь, на небольшой площади – 4,2 га, девяти керамических горнов и остатков построек позволяет предполагать, что Хумбуз-тепе действительно являлся производственным керамическим центром, правда значительно меньших масштабов, чем Нурумское поселение или производственный центр около Гяур-калы.

В отдельную категорию можно выделить специализированные производства, которые М.Г. Воробьева назвала «гончарными кварталами». Всего на территории Хорезма выявлено 9 объектов, которые безусловно относятся к ним. Сейчас мы можем выделить характерные признаки, отличающие эту группу памятников от всех прочих. Это сравнительно многочисленные группы горнов, обычно не менее 8, но не более 15, расположенные компактно, на небольшой площади, чаще всего на берегу канала и русла. Известны случаи, когда такие производства устраивались на заброшенных городищах, например на Кюзели-гыр или Базар-кала. На территории, занятой производством, не отмечены капитальные жилые здания, однако зафиксированы небольшие постройки, возможно производственные помещения и рабочие площади около горнов. Остатки одного из них раскопаны на городище Кюзели-гыр. Небольшие постройки обнаружены на территории специализированного производства около городища Уй-кала²⁸.

Третья группа объектов, связанных с керамическим производством – это отдельные горны или пары горнов, расположенные или на территории поселений или рядом с отдельно стоящими жилыми зданиями. Здесь необходимо оговорить: многие поселения интересующего нас периода, особенно это касается зоны орошения древнего Кельтеминара, изучены недостаточно полно, так как многие из них были разрушены в более позднее время. Поэтому не исключено, что на том или ином поселении были не один-

два горна, а намного больше. Тем не менее на территории южного Приаралья известны крупные поселения, где зафиксировано малое количество горнов, каждый из которых находился в непосредственной близости от усадьбы или на территории юсадыбы. К таким поселениям относится Барактамское или поселение близ Тарым-кая в левобережном Хорезме, что дает основания предполагать наличие одиночных горнов и на других поселениях.

Практически каждый из отдельно стоящих горнов можно соотнести с конкретной постройкой. Всего на территории Приаралья выявлено 17 таких объектов, что составляет 53,1% от общего количества памятников. К этой же категории следует, по всей видимости, отнести горны, сооруженные на заброшенных поселениях и городищах, а также на развалинах отдельно стоящих зданий. Чаще всего территория вокруг одиночных горнов не раскапывалась. Поэтому нельзя с полным основанием утверждать, что около них устраивались рабочие площадки. Можно лишь предполагать их существование, тем более что около горнов в специализированных производствах и на поселениях они зафиксированы достоверно.

Такие различия в степени концентрации и масштабах производства, а также в условиях его размещения кажутся неслучайными. Исследователи уже не раз обращали внимание на особенности расположения керамического производства в Хорезме. С.П. Толстов объяснил отсутствие следов ремесленного производства в хорезмийских городах тем, что ремеслом, по его мнению, в основном были заняты рабы, которые работали в домах богатых горожан и были скрыты «глинобитными стенами от взгляда иностранца-наблюдателя». Этой же причиной объясняется и отсутствие сведений о ремесле в письменных источниках²⁹. Однако даже в том случае, когда керамическая мастерская находилась внутри жилого здания, что вполне вероятно, гонжигательный горн должен был находиться поблизости. Трудно себе представить, что гончары формовали посуду в одном месте, а затем высушенную, но не обожженную керамику везли для обжига в другое место, за пределы города. Если же керамические горны располагались на территории жилых кварталов, то в этом случае должны были сохраниться их остатки, отвалы бракованной продукции, ведь на городище Топрак-кала сохранились следы мастерской по обработке рога и кости, а также следы других производств, например бронзоволитейного³⁰.

Е.Е. Неразик объясняла отсутствие следов крупного керамического производства на городище Топрак-кала тем, что оно требует особых условий и прежде всего запаса воды. Размещение горнов в черте слитной городской постройки могло вызвать пожары, поэтому, по ее мнению, кажется естественным, что большие гончарные мастерские, синхронные раннему периоду жизни городища обнаружены именно в сельской местности. Вместе с тем она вполне допускает существование на территории города небольших мастерских, тем более что здесь были обнаружены следы других производств. Кроме того Е.Е. Неразик полагает, что вопрос – были ли на Топрак-кале гончарные мастерские или нет – можно решить лишь после масштабных раскопок³¹. Необходимо уточнить, что на территории Хорезма гончарные мастерские располагались не всегда рядом с источниками воды. Достаточно вспомнить специализированное производство на городище Кюзели-гыр и горны на городище Калалы-гыр I, которые находятся на возвышенностях, а водные источники в лучшем случае были у их подножия.

В эпоху античности на территории южных областей Средней Азии, в таких городах как Мерв, Афрасиаб, Дальверзин-тепе, Саксанохур, Ер-курган, которые являлись крупнейшими производственными центрами, существовали ремесленные кварталы, в том числе гончарные³².

Мало того, в южных областях Средней Азии ремесло вообще было сосредоточено в основном в городах³³. Рост концентрации городского товарного ремесленного производства отмечается там в начале I тыс. н.э. Б.А. Литвинский считает это одним из основных факторов усиления роли города в системе экономической жизни страны: «Города – центры товарного производства, отсюда их ведущее значение в системе

город – деревня – кочевая степь»³⁴. Особенно это проявляется, например, в северной Бактрии, в долине Сурхандарьи, на фоне безусловно сельскохозяйственной округи³⁵. В данном случае имеются ввиду высокотехнологичные городские ремесленные производства, такие как керамическое и металлообрабатывающее, следы же кустарных домашних промыслов, обеспечивающих потребности сельского хозяйства, в той же северной Бактрии обнаружены на сельских усадьбах³⁶.

Подобная ситуация наблюдалась не на всей территории Северной Бактрии. В долине Кафирнигана, в двух пунктах, относящихся к различным типам сельских поселений, раскопаны обжигательные горны. Три из них открыты на поселении Ак-тепе II³⁷, один на усадьбе Хирман-тепе³⁸. Эти находки позволяют говорить о том, что в Бишкентской долине (нижнее и среднее течение реки Кафирниган) кроме городских производственных мастерских, например на городище Саксанохур, существовали производственные мастерские на сельских усадьбах, производившие продукцию на рынок, или работали отдельные ремесленники, также возможно поставившие на рынок свои изделия. Вполне вероятно, что это было обусловлено специфическими чертами хозяйственной системы оазиса, где на протяжении всего периода существования Кушанского государства, на довольно ограниченной территории соседствовали две группы населения с различными типами хозяйственной деятельности: преимущественно земледельческим и преимущественно скотоводческим³⁹. В этой ситуации небольшие мастерские на сельских поселениях могли обслуживать отдельные районы, где проживало скотоводческое население. В подтверждение этому предположению достаточно сослаться на материалы поселения Ак-тепе II, расположенного в северной части Бишкентской долины. Здесь, поблизости от земледельческих поселений, открыты курганные могильники, характерные для скотоводческого населения.

Видимо то же самое можно сказать и о Маргиане (Южная Туркмения), где помимо крупных ремесленных центров, каковым во все времена был Мерв, существовали специализированные поселения, как например Джин-тепе, расположенное на границе с песками, в 20 километрах к северу от Мерва, которые производили продукцию для обмена с кочевниками⁴⁰.

В Хорезме ситуация была аналогичной. Во всяком случае наиболее крупные ремесленные керамические производства (упоминавшиеся выше Нурумское поселение и Гяуркалинский производственный центр) зафиксированы на окраинах освоенной земледельцами территории левобережного Хорезма. То же самое можно сказать и обо всем южном и юго-восточном Приаралье. Например, поселение гончаров, обнаруженное около крепости Бабиш-мулла, также расположено на границе земледельческого оазиса. Все эти районы безусловно были зонами интенсивных контактов между скотоводами и земледельцами. Именно на границах левобережного Хорезма, неподалеку от земледельческих оазисов, в том числе Нурумского и Гяуркалинского, Хорезмской экспедицией были обнаружены и раскапывались курганные могильники, принадлежавшие скотоводческому населению⁴¹.

Несколько иная ситуация сложилась на территории правобережного Хорезма. Курганных могильников здесь до настоящего времени не обнаружено, но и не найдено пока специализированных ремесленных поселений. Специализированные же производства чаще всего расположены вне земледельческих оазисов, иногда на значительном расстоянии от поселений. В то же время большинство одиночных керамических горнов зафиксировано на территории поселений, или, во всяком случае, в пределах оазиса.

Все приведенные выше данные позволяют высказать предположение, что размещение производства вне города, иногда на значительном расстоянии от крупных центров, было обусловлено прежде всего социально-экономическими причинами и определенным типом хозяйства на конкретной территории. В данном случае, вероятно, можно говорить о передаче части функций города, как центра товарного ремесленного производства, специализированным ремесленным поселениям, расположенным в непосредственной близости от рынков сбыта.

Наличие на территории Хорезма трех групп памятников, различающихся прежде всего объемом производства и условиями его размещения, позволяет предполагать и разные формы организации ремесла во второй половине I тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э.

Хорошее качество керамической посуды в это время, а также достаточно высокий уровень стандартизации продукции производства несомненно свидетельствуют о том, что в Хорезме в этот период работали ремесленники-профессионалы, производившие керамику на рынок. Достаточно сказать, что здесь бытовал довольно устойчивый набор форм столовой и хозяйственной посуды, причем показательным является то, что определенной форме сосудов соответствовал определенный способ декорировки и состав глины.

У нас есть все основания полагать, что некоторые формы, помимо всего прочего, использовались в качестве перевозной тары и были одновременно мерой емкости, вследствие чего должны были соответствовать определенному объему. На существование в Хорезме таких мер объема указывают некоторые эпиграфические памятники⁴². Столь высокое качество и уровень стандартизации продукции возможны только при определенных условиях: во-первых, при достаточно развитом потребительском рынке, когда качество, количество и виды продукции регламентируются прежде всего покупательским спросом; во-вторых, при сравнительно высокой организации ремесленного товарного производства, обслуживающего этот рынок, достаточно высокого уровня специализации, существования довольно крупных гончарных мастерских, обеспечивающих повседневный спрос.

Е.Е. Неразик уже высказывала предположение о том, что различия в масштабах и размещении гончарных производств на территории Хорезма, возможно, свидетельствуют о сосуществовании ремесленников, работавших на рынок в крупных масштабах, и ремесленников-общинников⁴³. Этот вывод подтверждается и анализом данных по размещению различных по масштабам производств в регионе.

С определенной долей уверенности можно говорить о том, что в Хорезме основной производственной базой ремесла, и гончарства в частности, были мастерские свободных ремесленников, которые различались по объему производства.

Небольшим мастерским соответствуют, по всей видимости, одиночные горны, которые располагались рядом с жилыми постройками. Достаточно показательно, что такие мастерские зафиксированы в пределах освоенной территории оазисов и в поселениях, например вдоль магистральных каналов в системе древнего канала Кельтеминар. Эта категория памятников датируется достаточно широко с V—IV вв. до н.э. по III—IV вв. н.э. Объем здешней продукции был ограничен производственными мощностями одного или двух горнов и, по всей видимости, был небольшим. Вполне возможно, что такие мастерские обслуживали одно или несколько поселений, находившихся неподалеку друг от друга. Рынок сбыта был ограничен, по-видимому, пределами этих поселений.

Специализированные производства возможно отождествить с крупными мастерскими, в которых работало несколько человек, может быть мастер с подмастерьями. Они располагались вдали от поселений или, во всяком случае, за их пределами, при этом рядом с ними не зафиксировано каких-либо капитальных жилых построек, обнаружены лишь производственные помещения и рабочие площадки около горнов⁴⁴. Это позволяет предполагать, что мастерские работали не постоянно, а периодически, во время определенного сезона, скорее всего летом или осенью, когда они производили и вывозили на близлежащие рынки большие партии посуды. Выше уже отмечалось, что большинство специализированных производств располагалось на берегах каналов, иногда на значительном расстоянии от орошаемой зоны поселений, которая находилась выше по течению. Видимо для жителей этих оазисов и предназначалась ремесленная посуда, изготавливавшаяся в этих мастерских. В самих поселениях существовали небольшие отдельные мастерские (о которых говорилось выше), обслуживавшие повседневные потребности жителей, довольно часто работавшие и на заказ.

Подобная практика существовала в Средней Азии много позже. Рассматривая условия размещения гончарного производства на сельских поселениях Хорезма, Е.Е. Неразик приводит свидетельство А. Шишова о том, что в конце XIX в. в отдаленные селения Ташкентского оазиса обычно в летнее время выезжали мастера и на месте делали и обжигали посуду⁴⁵. Эти сведения подтверждаются материалами Е.М. Пещеревой: в 30-х годах нашего столетия некоторые ташкентские мастера выезжали на работу за город, иногда за 30–40 км от города⁴⁶.

Очевидно, что производство больших партий посуды в крупных мастерских требовало достаточно высокой организации труда. В данном случае можно предполагать, что в производственном процессе был задействован уже небольшой коллектив людей – артель, а не один-два человека. Безусловно существовали отдельные производственные помещения-мастерские и связанные с ними специальные обжиговые устройства – горны. Типичным примером такой мастерской является «гончарный квартал» на городище Кюзели-гыр.

А.А. Бобринский, изучавший формы ремесленного керамического производства по материалам Восточной Европы, считает такое сочетание (отдельная мастерская – обжигательный горн) одним из основных признаков производства керамики на рынок⁴⁷.

По-видимому, по форме организации труда к специализированным производствам очень близко Гяуркалинское поселение, которое, между тем, отличается от них степенью концентрации и объемами производства. В данном случае можно предположить, что Гяуркалинское поселение было крупным ремесленным производственным центром, который, в отличие от торгово-ремесленных поселений, специализировался исключительно на изготовлении керамической посуды. По-видимому здесь, также как и на гончарных кварталах, мастера работали не круглый год, а периодически, во время сезона. Это, в общем-то, подтверждается отсутствием капитальных жилых построек. Большие масштабы производства можно объяснить обширным рынком сбыта, так как поселение располагалось в контактной зоне земледельческих оазисов и скотоводческой периферии.

Вполне возможно, что здесь работала не одна крупная мастерская, а несколько. Во всяком случае на плане поселения можно выделить по крайней мере три скопления керамических обжигательных горнов, расположенных на некотором удалении от построек. Так как раскопок на памятнике не производилось, мы не можем сказать, относятся все эти горны к одному историческому периоду или являются разновременными. Если все они датируются одним временем, то можно предполагать, что одновременно здесь работали по крайней мере три крупные мастерские или артели.

Достаточно показательно, что такой крупный производственный центр, как Гяуркалинское поселение, располагался рядом с двумя крепостями – Гяур-кала I и Гяур-кала II, то есть находился под их защитой. Несомненно, что две эти крепости возникли в зоне системы орошения Чермен-яба при активном участии государства⁴⁸. По-видимому, производственный керамический центр около этих поселений также возник не без участия государственной власти.

В литературе не раз упоминалось о существовании государственных ремесленников, в частности в Сасанидском Иране⁴⁹. В более ранних источниках упоминаются государственные фискальные службы, которые надзирали за ремесленниками. Как свидетельствуют некоторые документы, эти функции зачастую передавались местным властям. Так, например, в Персии, находившейся под властью Селевкидов, саграпы отдельных областей собирали налоги с ремесленников⁵⁰. В парфянском государстве налоги на ремесло входили в систему «царских налогов»⁵¹. Очень возможно, что в Гяуркалинском производственном центре, возникшем, вероятно, при прямом участии государственной власти, работали именно «царские ремесленники», изготовлявшие посуду для обмена с кочевниками.

Исследователь памятника Хумбуз-тепе М. Мамбетуллаев считает, что это поселение тоже было государственным производственным центром. В какой-то степени данное предположение подтверждается находкой здесь черепка («острак») с хозяй-

ственной надписью, которая по структуре практически идентична нисийским хозяйственным документам. Надпись содержала собственные имена людей, получавших какие-то товары и название мер объема. То, что острак найден на территории специализированного поселения керамистов, придает ему особое значение. По мнению исследователя памятника, он свидетельствует о том, что мастера на Хумбуз-тепе выполняли определенные заказы, а взамен получали сельскохозяйственные продукты и вино⁵². Вполне возможно, что именно из такого производственного центра поступили во дворец Топрак-кала столовые блюда, о которых упоминается в одном из документов из Высокого дворца⁵³. Если эти предположения верны, то можно считать, что на Хумбуз-тепе работали ремесленники, выполнявшие государственные заказы.

Несколько другую форму производственной организации имело Нурумское поселение. Выше уже упоминалось о том, что в отличие от Гяуркалинского поселения, здесь отмечены капитальные жилые постройки – отдельные усадьбы довольно внушительных размеров, рядом с которыми располагались обжигательные горны: пара или две пары горнов находились в непосредственной близости от жилых домов, а иногда прямо на территории усадьбы; отдельные группы горнов зафиксированы на свободном пространстве между усадьбами, но и здесь они располагались попарно – большой и маленький. Всего на территории поселения обнаружены остатки по крайней мере пятидесяти керамических обжигательных горнов. Характерно, что все они рассредоточены. На поселении пока не выявлено отдельно стоявших керамических мастерских, но несомненно, и это подтверждается результатами раскопок, непосредственно рядом с горнами существовали какие-то навесы и дворы, где замешивалась глина, пережигался и дробился гипс и т.д. Вероятнее всего керамика формовалась непосредственно в помещениях усадьбы, а обжигалась в печах, расположенных недалеко от дома. По-видимому, в данном случае можно говорить об одной из форм организации гончарного производства, выявленной А.А. Бобринским, а именно непостоянное или постоянное рабочее место в одном из помещений усадьбы, где для него выделен определенный участок, и нетрадиционное тепловое устройство – горн, используемый исключительно для обжига глиняных изделий. По данным А.А. Бобринского эта форма гончарного производства фиксирует переход от работы на заказ и для собственных хозяйственных нужд к работе на рынок⁵⁴.

Как уже отмечалось выше, на территории Нурумского оазиса зафиксированы следы других ремесленных производств – кузнечного, бронзоволитейного, стекольного. Здесь же большие площади были заняты под посевы и виноградники, что хорошо видно на аэрофото. Достаточно сказать, что только свободная от застройки площадь, занятая полями, составляла 200–210 га и не менее 15 га было отведено под виноградники. Следовательно, помимо ремесла население оазиса довольно интенсивно занималось земледелием и виноделием.

Все эти факты позволяют предполагать, что Нурумское поселение выполняло функции небольшого торгово-ремесленного центра. Такой тип поселений достаточно хорошо известен на территории Хорезма по этнографическим данным. Характерными чертами торгово-ремесленного поселения – «базара» в Хивинском ханстве являлось наличие дома правителя – хакима, а также ремесленных производств и торговой лавки. «Базары» являлись обычно административными центрами сельскохозяйственных районов⁵⁵. В конце XIX в. Николай Муравьев, описывая торговые поселения Хивинского ханства, замечал, что они снабжали товарами все деревни и кочевья⁵⁶. Такое поселение (комплекс развалин у крепости Кызылча-кала) было обследовано Б.И. Вайнберг. Оно обслуживало не только туркмен, живших на близлежащих землях, но и кочевников – чарва из отдаленных районов. Кроме того отмечено, что это поселение возникло не без участия ханского правительства⁵⁷. Создание подобных торгово-ремесленных центров в зоне контактов земледельцев и кочевников-скотоводов являлось скорее всего прерогативой центральной государственной власти. Часто это было обусловлено не только и не столько экономическими, сколько политическими соображениями.

В отличие от Гяуркалинского производственного центра, на Нурумском поселении производством керамики занимались мелкие мастерские, функционировавшие практически на каждой усадьбе, что обеспечивало значительный объем производства. Видимо, Нурумский оазис был заселен свободными земледельцами-общинниками, которые периодически занимались товарным ремесленным производством. Если наши предположения верны, то каждую усадьбу на Нурумском поселении можно рассматривать как отдельный жилищно-производственный комплекс, включающий в себя жилую часть, хозяйственные постройки и двор, а также ремесленное производство. В большинстве случаев гончарное, иногда кузнечное или бронзоволитейное.

Таким образом, по имеющимся на сегодняшний день данным, у нас есть все основания полагать, что в Хорезме, в VI в. до н.э. – IV в. н.э. существовали разнообразные формы гончарного производства, которые характеризуются и различным уровнем организации, и технологическими возможностями производства, а также различной степенью отделения ремесла от земледелия. Причем все эти формы существовали одновременно, дополняя друг друга, выполняя свои определенные функции в эконо-мической системе древнего общества.

Примечания

¹ Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 79, рис. 18. С. 112, рис. 47.

² Воробьева М.Г. Гончарные печи античного Хорезма // Краткие сообщения Института этнографии. 1957. Вып. XXVI. С. 113; *ее же*. Керамика Хорезма античного периода // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее – ТХАЭЭ), т. IV. М., 1959. С. 199–212.

³ Неразик Е.Е. Новые материалы по гончарному ремеслу в древнем Хорезме // Вестник Кара-Калпакского филиала АН Узбекской ССР. 1968. С. 55–61.

⁴ Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958–1960 гг. // Материалы Хорезмской экспедиции (далее – МХЭ). Вып. 6. М., 1963. С. 197–198.

⁵ Болелов С.Б. Керамические обжигательные печи Нурумского поселения // Новые открытия в Приаралье. Вып. I. М., 1991. С. 72–91.

⁶ В результате маршрутных исследований экспедиции была составлена археологическая карта Хорезма. Археолого-топографическим отрядом под руководством Б.В. Андрианова было обследовано большинство археологических памятников Южного Приаралья, а также системы ирригации и обводнения. Во время этих работ на карту были нанесены, кроме всего прочего, объекты, связанные с керамическим производством. Эти материалы, а также труды М.Г. Воробьевой послужили основой картографирования гончарных производств на территории Южного Приаралья. См.: Воробьева М.Г. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. // Труды Института этнографии (далее – ТИЭ) АН СССР, т. XLVIII. М.; Л., 1961. С. 149–173.

⁷ Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме // ТХАЭЭ, т. IX. М., 1976. С. 17–18; с. 217–218; Болелов С.Б. Указ. раб., с. 71–72.

⁸ Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М., 1959; Евдокимова В.В. Гончарное производство в Хивинском районе (по материалам поездки в Узбекистан в 1930 году) // ТХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.

⁹ Джаббаров И.И. Новые материалы к истории гончарного ремесла Хорезма // ТХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.

¹⁰ Кисляков Н.Я., Писарчик А.К. Таджики Кара-Тегина и Дарваза. Ч. I. Душанбе. 1966.

¹¹ Подробно об этом см.: Джаббаров И.И. Указ. раб.; Тревер К.В. К вопросу о ремесленных корпорациях в Сасанидском Иране // Эллинистический Ближний Восток, Византия, Иран. М., 1967.

¹² Воробьева М.Г. Керамика Хорезма. С. 199–210; Болелов С.Б. Указ. раб. С. 77–78.

¹³ Все горны датированы по подъемному материалу, раскопок на них не производилось. См.: Воробьева М.Г. Керамика Хорезма. С. 180; *ее же*. Опыт картографирования. С. 166–167; *ее же*. Дингильдже // МХЭ. Вып. 9. М., 1973. С. 13–14; Вайнберг Б.И. Изучение памятников Присаракамышской дельты Амударьи в 70–80-х годах // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма. Вып. I. М., 1991.

¹⁴ Воробьева М.Г. Керамика Хорезма. С. 180.

¹⁵ Сарцианиди В.И. Керамическое производство древнемаргианских поселений // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (далее – ТЮТАКЭ). Т. VIII. Ашхабад, 1958. С. 313–349; Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982. С. 148–149.

¹⁶ Иваницкий И.Д. Сары-тепе – поселение керамистов середины I тыс. до н.э. под Самаркандом // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 26. Ташкент, 1992.

- ¹⁷ Воробьева М.Г. Проблема «Большого Хорезма» и археология // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 40.
- ¹⁸ Сайко Э.В. Указ. раб. С. 93.
- ¹⁹ Воробьева М.Г. Керамика Хорезма. С. 66–67; Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // Материалы Института археологии. Т. 73. М., 1959. С. 127–129; Сайко Э.В. К истории гончарного круга и развития форм керамики. Душанбе, 1971. С. 108.
- ²⁰ Сайко Э.В. К истории гончарного круга. С. 106.
- ²¹ Сайко Э.В. Там же. С. 109.
- ²² Массон В.М. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии // Древняя Бактрия. Л., 1974. С. 8.
- ²³ Воробьева М.Г. Опыт картографирования. С. 165; Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е. Указ. раб. С. 197–198.
- ²⁴ Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е. Указ. раб. С. 72–75.
- ²⁵ Неразик Е.Е. Сельское жилище... С. 49.
- ²⁶ Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чиркрабадская культура // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 1. М., 1993. С. 19. Рис. 4.
- ²⁷ Мамбетуллаев М. Хумбуз-тепе – керамический центр южного Хорезма // Археология Приаралья. Вып. 2. Ташкент, 1984. С. 22.
- ²⁸ Воробьева М.Г. Опыт картографирования. С. 148–149. Рис. 1. В отличие от городища Кюзели-гыр постройки не раскапывались, однако по сохранившимся на поверхности архитектурным остаткам можно предполагать, что это были небольшие здания.
- ²⁹ Толстов С.П. Указ. раб. С. 274.
- ³⁰ Неразик Е.Е. Некоторые вопросы истории городов и истории культуры древнего Хорезма в свете раскопок городища Топрак-кала // Городище Топрак-кала. ТХАЭЭ. Т. XII. М., 1981. С. 139.
- ³¹ Неразик Е.Е. Там же. С. 139.
- ³² Неразик Е.Е. Сельское жилище. С. 218.
- ³³ Литвинский Б.А., Мухитдинов Х. Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан) // Советская археология. 1969, № 2. С. 160.; Кацурис К., Буряков Ю.Ф. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы // ТЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1963. С. 155–162; Усманова З.И. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала // Там же. С. 192–197; Пузаченкова Г.А. Квартал керамистов на городище Дальверзин-тепе // Дальверзин-тепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978; Массон В.М. Указ. раб. С. 10–11.
- ³⁴ Литвинский Б.А. Кушанский город. Индийско-среднеазиатские параллели // Древний Восток и мировая культура. М., 1981. С. 121.
- ³⁵ Пузаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Древняя Бактрия – Тохаристан. Ташкент, 1990.
- ³⁶ Пидаяев Ш. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978. С. 103–104; Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент, 1987. С. 65–66.
- ³⁷ Седов А.В. Кобадиян на пороге раннего средневековья. М., 1987. С. 21.
- ³⁸ Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепай-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983. С. 21.
- ³⁹ Седов А.В. Указ. раб. С. 108.
- ⁴⁰ Мережин Л.Н. К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе // ТЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962. С. 13; Усманова З.И. Указ. раб. С. 164.
- ⁴¹ Вайнберг Б.И. Курганные могильники Северной Туркмении (Присаракамышская дельта) // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Т. XI. М., 1979. С. 175–176.
- ⁴² Лившиц В.А. Документы // Топрак-кала. Дворец. ТХАЭЭ. Т. XIV. М., 1984. С. 265–287; Мамбетуллаев М. Указ. раб. С. 26–30; его же. Городище большая Айбуйир-кала (раскопки 1976–1977 и 1981 годов) // Археология Приаралья. Вып. VI. Ташкент, 1990.
- ⁴³ Неразик Е.Е. Сельское жилище... С. 218.
- ⁴⁴ Воробьева М.Г. Керамика Хорезма... С. 200–201.
- ⁴⁵ Неразик Е.Е. Сельское жилище... С. 219.
- ⁴⁶ Пецерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М., 1959. С. 164.
- ⁴⁷ Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы. М., 1991.
- ⁴⁸ Вайнберг Б.И. Изучение памятников Присаракамышской дельты Амударьи... С. 68.
- ⁴⁹ Тревер К.В. Указ. раб. С. 157–161.
- ⁵⁰ Бинкерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 104.
- ⁵¹ Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. М., 1987. С. 149.
- ⁵² Мамбетуллаев М. Хамбуз-тепе – керамический центр... С. 36.
- ⁵³ Лившиц В.А. Указ. раб. С. 263–264.
- ⁵⁴ Бобринский А.А. Методика изучения организационных форм гончарных производств // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989. С. 12–20.
- ⁵⁵ Жилина А.Н. Традиционные поселения Хорезмского оазиса (XIX–XX вв.) // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989. С. 102–103.

⁵⁶ Лукин Б.В. История Узбекистана в источниках. Ташкент, 1988. С. 179.

⁵⁷ Вайнберг Б.И. К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме // Сов. этнография, 1959, № 5; *еже* же. Туркменские поселения по Дарьялыку // МХЭ. Вып. 4. М., 1960. С. 124–129.

S.B. Boilev. Pottery in the Ancient Khorezm: organisation of production (VI B.C. – IV A.D.)

The article reflects the results of the 60-years work of the Khorezm expedition, dealing with the pottery production and distribution in this part of the Aral region. The author classifies archaeological objects according to the volume of output, technology and organisation of the process of production: 1) communal workshops; 2) workshops that worked for the larger local markets; 3) industrial centres, localized at the specialized settlements of craftsmen, which operated within large regions and, because of this, were placed in the contact zones of nomad cattlebreeders and sedentary landworkers.